

А. А. Трунин

ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ

В настоящей статье предлагается подход к рассмотрению гражданского правоотношения с точки зрения учения Аристотеля о четырех причинах (формальной, материальной, действующей и целевой). В качестве формальной причины гражданского правоотношения предлагается рассматривать норму гражданского права, материальной — подлежащее регулированию общественное (фактическое) отношение в смысле социального взаимодействия субъектов, действующей — юридические факты, целевой — удовлетворение (реализацию) юридически значимого интереса.

Ключевые слова: гражданское правоотношение, теория деятельности, учение Аристотеля о четырех причинах, форма и содержание гражданского правоотношения, юридический факт, интерес.

А. А. Trunin

ACTIVITY THEORY AND CIVIL-LAW RELATION

This article reviews an approach that handles the civil-law relation from the perspective of Aristotle's theory of four causes (formal, material, efficient and final). In this context the formal cause of a civil-law relation would be the rule of civil law, material cause would be the social (actual) matter representing the social interaction of persons, efficient cause would be the juridical facts and the final cause would be the satisfaction (realization) of legally relevant interests.

Keywords: civil-law relation, theory of activity, Aristotle's theory of four causes, form and matter of a civil-law relation, juridical fact, interest.

В свое время С. Н. Булгаков хозяйство и право сводил к абстракциям или сторонам социальной жизни, которую признавал единственной социологической реальностью.¹ Если пойти несколько дальше и поставить вопрос о том, что объединяет эти стороны таким образом, чтобы можно было подвергнуть определенное явление исследованию в каждом конкретном единичном случае, то ответ может быть таким — поведение людей, их деятельность.

Основой гражданского права, первым его принципом считали в разное время и в различных сочетаниях волю, интерес, свободу. В настоящее время достаточно большое распространение получил подход к объяснению социальных явлений с точки зрения такой категории, как риск.² При чем эта категория имеет ключевое значение в современном объяснении теории общества (например, у Н. Лумана и У. Бека).³ В общем виде категория риска приобретает значение в связи с признанием таких социальных фактов, как различного рода угрозы и страхи, неуверенность, неопределенность,

---

Трунин Александр Александрович — LL.M (Гамбург), соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; aa_trunin@mail.ru

Trunin Alexander A. — LL.M (Hamburg), PhD Candidate, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; aa_trunin@mail.ru

¹ Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., 2006. С. 459.

² См., напр.: Агарков М. М. Основы банкового права. Курс лекций. Учение о ценных бумагах. Науч. исслед. 3-е изд., стер. М., 2005. С. 215–217.

³ См. подробнее, напр.: Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М., 2011. С. 73–105.

принципиальная недостаточность знания, и все большим осознанием степени их воздействия на общество и даже поверх общества в связи с проблемой глобализации.⁴

В теории Н. Лумана риск противопоставляется опасности, различием которых служит причина возможного ущерба. В случае риска причиной является решение (и соответственно существует риск), если же причины находятся вовне (вменяются окружающему миру), то в этом случае говорится об опасности.⁵ Таким образом, риск связывается с *деятельностью* субъекта, которая целесообразна.⁶ В связи с этим риск не может быть единственным или ведущим объясняющим принципом. Изучение риска имеет важное значение для нормотворчества, поскольку норма адресована лицам, чья деятельность носит рисковый характер (строго говоря, это применимо и к самой нормотворческой деятельности). Так, по Н. Луману, риск оптимизируется нормой (как безрисковой структурой), собственностью и контрактом.⁷ При этом можно говорить лишь о частичной нейтрализации риска, его (пере)распределении, но не о полном снятии, что обусловлено границами действия норм права.

Полагаем, что для целей настоящего исследования определяющим и во многом актуальным является учение Аристотеля о четырех причинах (формальной, материальной, действующей и целевой),⁸ поскольку в основе этого учения лежит

---

⁴ Соколов А. Политический риск от теории к практике. М., 2009. С. 39–41, 43–44, 53–55; Вишняков Я. Д., Радаев Н. Н. Общая теория рисков. М., 2008. С. 24–27.

⁵ Соколов А. Политический риск от теории к практике. С. 51.

⁶ Я. Д. Вишняков и Н. Н. Радаев, рассматривая концепцию риска с точки зрения теории управления, отмечают, что риск выступает «атрибутивной общесоциологической характеристикой любого вида целесообразной деятельности человека, осуществляемой в условиях ресурсных ограничений и наличия возможности выбора оптимального способа достижения осознанных целей в условиях информационной неопределенности» (Вишняков Я. Д., Радаев Н. Н. Общая теория рисков. С. 21–22). В. И. Зубков полагает, что «поведение строится по поводу удовлетворения потребностей и интересов через мотивационный процесс, который весьма противоречив и требует анализа и оценки альтернатив, выбора и принятия решения. Если же не представляется возможным точно оценить имеющиеся альтернативы с точки зрения последствий их осуществления, то мы имеем дело с риском» (Зубков В. И. Социологическая теория риска. Учеб. пособие для вузов. М., 2009. С. 95). Далее автор дает определение риска: «риск представляет собой целенаправленное поведение социального субъекта, осуществляемое в условиях неопределенности его исходов (курсив наш. — А. Т.)» (Там же. С. 108).

⁷ Зубков В. И. Социологическая теория риска. С. 200–201.

⁸ Подробнее см.: Александров Г. Аристотель (философские и социально-политические взгляды). М., 1940. С. 78–88; Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье (1–2). СПб., 2003. С. 197–203, 204–207; Богатов М. Манифест онтологии. М., 2007. С. 276–277; Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером. В 4 кн. Кн. 4. Путь Хайдеггера. СПб., 2009. С. 16–47; Брамбо Р. С. Философы Древней Греции. М., 2002. С. 248–253, 260–266, 271–274, 275–295; Джохадзе Д. В. Диалектика Аристотеля. М., 1971. С. 149–160, 219–228, 251–258; Залесский Н. Н. Очерки истории античной философии. Вып. 1. Философия классической Греции. Л., 1975. С. 90–91; Лебедев С. П. Идеализм: история и логика генезиса. СПб., 2008. С. 679–740; Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. Ранняя греческая наука «о природе». М., 1979. С. 413–439; Сагадеев А. В. Восточный перипатетизм. М., 2009. С. 96–97, 164–165; Сергеев К. А., Слинин Я. А. Природа и разум: Античная парадигма. Л., 1991. С. 221–235; Ханин Д. М. Искусство как деятельность в эстетике Аристотеля. М., 1986. С. 8–11, 14–29; Шенгулин А. П. 1) Категории диалектики. М., 1971. С. 180; 2) Диалектика единичного, особенного и общего. Учеб. пособие. М., 1973. С. 26–29, 31–34; Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб., 1907. С. 86–87; Annas J. Ancient Philosophy: A Very Short Introduction. New York, 2000. P. 87–89; Flashar H. Aristoteles. Lehrer des Abendlandes. Verlag C. H. Beck. München, 2013. S. 212–213, 222–223; Halper E. C. 1) One and many in Aristotle's Metaphysics, books alpha-delta. Las Vegas, 2009; 2) One and many in Aristotle's Metaphysics. Central books. USA, 2005. — В литературе обращается внимание на своеобразии использования термина «причина» Аристотелем и последующими авторами. Например, Э. Халпер пишет, что за исключением движущей (действующей) причины «many philosophers

деятельностный подход (структура акта человеческой деятельности,⁹ деятельностная модель¹⁰).

Обозначенные выше причины Аристотель объясняет следующим образом: «о причинах говорится в четырех значениях: одной такой причиной мы считаем сущность, или суть бытия вещи (ведь каждое “почему” сводится в конечном счете к определению вещи, а первое “почему” и есть причина и начало); другой причиной мы считаем материю, или субстрат (*υποκειμενον*); третьей — то, откуда начало движения; четвертой — причину, противолежащую последней, а именно “то, ради чего”, или благо (ибо благо есть цель всякого возникновения и движения)».¹¹

При исследовании формальной причины («формы»)¹² выделяют внешний облик, *вид*, делающий определенный предмет телом определенных очертаний, а также внутреннюю форму, *понятие*, которое делает предмет именно им, и не каким-либо иным.¹³ Как пишет В. Ф. Асмус, «в плане бытия “форма” — *сущность* предмета. В плане познания “форма” — *понятие* о предмете или те определения существующего в себе предмета, которые могут быть сформулированы в понятии о предмете».¹⁴

Согласно Аристотелю все причины могут быть сведены к двум, поскольку и действующая, и целевая причины могут быть подведены под понятие «форма».¹⁵ В этом

---

refer to Aristotle's other causes as “explanatory principles”» (*Halper E. C. One and many in Aristotle's Metaphysics, books alpha-delta. P. XXVIII*). Известно влияние таких категорий Аристотеля на разработку теории договора глоссаторами и постглоссаторами (*Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 237–238; Полдников Д. Ю. Договорные теории классического ius commune (XIII–XVI вв.). М., 2011. С. 260–277*).

⁹ Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985. С. 207.

¹⁰ Лебедев С. П. Идеализм: история и логика генезиса. С. 663. — Суть этой модели в том, чтобы простейшим состоянием всего сущего, его элементом считать не абстрактно простое, а *сложное целое* (С. 663–664). При этом особый акцент на деятельностном аспекте рассматриваемого учения Аристотеля сделан именно в этой работе.

¹¹ Аристотель. Метафизика. 983а 25–33 // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 1. М., 1975. С. 70. — В главе 2 книги 5 «Метафизики» Аристотель пишет: «Причиной называется [1] то содержимое вещи, из чего она возникает; например, медь — причина изваяния и серебро — причина чаши, а также их роды суть причины; [2] форма, или первообраз, а это есть определение сути бытия вещи, а также роды формы, или первообраза (например, для октавы — отношение двух к одному и число вообще), и составные части определения; [3] то, откуда берет первое свое начало изменение или переход в состояние покоя; например, советчик есть причина, и отец — причина ребенка, и вообще производящее есть причина производимого, и изменяющее — причина изменяющегося; [4] цель, т. е. то, ради чего, например, цель гулянья — здоровье» (*Аристотель. Метафизика. 1013а 25–35. Т. 1. С. 146*).

¹² На немецкий язык смысл данного термина Аристотеля передается как «Wesens-was», «Wesensbegriff», «Was es heißt, dies zu sein», «das Was — zu sein — für etwas zu sein heißt», «Was es war zu sein», «Das, was es eigentlich ist» (*Flashar H. Aristoteles. Lehrer des Abendlandes. Verlag C. H. Beck. S. 213*).

¹³ Богомолов А. С. Античная философия. С. 207.

¹⁴ Асмус В. Ф. Античная философия. М., 1999. С. 200–201. — Далее В. Ф. Асмус отмечает: «Установление этих определений “формы” дает возможность продолжить исследование *субстанции*, или *самобытного единичного бытия*. Предыдущим выяснено, что “форма” — общее, реально же единичное. Поэтому для того, чтобы “форма” могла стать “формой” такого-то единичного или индивидуального предмета, необходимо, чтобы к “форме” присоединилось еще нечто. Но если к “форме” присоединится нечто, способное быть выраженным посредством *определенного понятия*, то это вновь будет “форма”. Отсюда Аристотель выводит, что присоединяемый к “форме” новый элемент может стать элементом субстанции только при условии, если он будет совершенно «неопределенным субстратом» или «неопределенной материей». Это тот субстрат (материя), в котором общее (“форма”) впервые становится определенностью *другого бытия*» (Там же. С. 201).

¹⁵ «По Аристотелю способность предметов быть полезными (или вредными) для человека по отношению к самим этим предметам есть нечто случайное и внешнее. Предметы обладают

случае остаются материя и форма. С одной стороны, за материей не признается роль первичной, поскольку она пассивна, бесформенна и может представлять только материал для оформления; с другой стороны, за материей все-таки закрепляется некое активное начало — принцип индивидуации вещей.¹⁶ Кроме того, материя по Аристотелю, — *возможность*, поскольку она не есть то, чем может стать впоследствии.¹⁷ За вещь, которая объединяет форму и материю, также не признается роль первичной, поскольку она сложна. Таким образом, первичной признается форма — как сущность и суть бытия в собственном смысле. Как отмечает А. С. Богомолов, по Аристотелю, первична форма как понятие, «смысл» вещи. Форма — это и действительность, или действительное как таковое.¹⁸ «В отличие от “материи”, которая есть бытие “в возможности”, “форма” есть “действительность”... т. е. *осуществление* возможного».¹⁹ В связи с этим отмечается своеобразная диалектика материи и формы, возможности и действительности.²⁰ Ответственны за придание материи новой формы как действующая причина, так и целевая.²¹

не данной или предписанной им *извне* целью, а сами, *в самих себе*, объективно имеют цель. Состоит она в реализации, или в осуществлении, “формы”, понятия, таящегося в них самих. Но это и значит, что “цель” сводима к “форме” — к действительности того, что дано как возможность в “материи” предметов <...> сводима к “формальной” причине, или к “форме”, и *движущая* причина (“начало изменения”). И этой причиной предполагается *понятие* о предмете, ставшее действительностью, или “форма” <...> причина движения и изменения — не основная и не несводимая: она также сводима к “форме”, ибо понятие о предмете, осуществленное в веществе (“материи”), и есть форма» (Асмус В. Ф. Античная философия. С. 207). «Поскольку форма существует в процессе становления вещи, она выступает в качестве телоса, цели, к которой этот процесс стремится, как целевая причина» (Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974. С. 46, 49).

¹⁶ Как пишет А. М. Толстенко, благодаря материи «каждое единичное сущее предназначено к восхождению в свой вид» (Толстенко А. М. Европейская метафизика: от бытия-как-природы к бытию-как-истории. СПб., 2011. С. 115). С. П. Лебедев отмечает, что «вещи, имеющие одну форму, отличаются именно своей материей, именно она индивидуализирует их. По Аристотелю, для каждой единичной вещи (сущности) имеется своя, именно этой вещи единичная, материя» (Лебедев С. П. Идеализм: история и логика генезиса. С. 688). См. также: Бибихин В. В. Лес (hyle). СПб., 2011. С. 57, 83; Соколов В. В. От философии античности к философии нового времени. Субъект-объектная парадигма. М., 1999. С. 137). Фома Аквинский отмечал, что «принципом индивидуации является не любая материя, но только означенная материя (я называю «означенной» ту материю, которая рассматривается в определенных измерениях)», например, «эти кости», «эта плоть» (Фома Аквинский. Соч. М., 2004. С. 143, 145).

¹⁷ «Всякий предмет, приобретающий новое свойство, которое может быть выражено в новом определении, до этого приобретения, очевидно, не имел этого свойства. Поэтому, чтобы ответить на вопрос, что такое “материя”, или “субстрат”, необходимо уяснить следующее: “материя” есть, *во-первых, отсутствие* (“лишенность”, “отрицание”) определения, которое ей предстоит приобрести как *новое* определение. Иначе говоря, “материя...” — “лишенность” “формы”. <...> необходимо признать, что “материя” (“субстрат”)... заключает в себе *два* определения: 1) *отсутствие* “формы”, которая в ней возникнет впоследствии, и 2) *возможность* этой “формы” как уже действительного бытия» (Асмус В. Ф. Античная философия. С. 201–202; 203–205).

¹⁸ Богомолов А. С. Античная философия. С. 208–210.

¹⁹ Асмус В. Ф. Античная философия. С. 202. — См. также: Flashar H. Aristoteles. Lehrer des Abendlandes. Verlag C. H. Beck. S. 223–224.

²⁰ «За исключением “первой материи”, всякая материя в той или иной степени оформлена, а следовательно, и сама может выступать в разных функциях. Так, кирпич, являясь материей для дома, есть форма для глины. Поэтому кирпичи — это дом в возможности, а глина — кирпич в возможности. Кирпич же — действительность (форма) глины, а дом — действительность кирпича... А возникновение есть, следовательно, осуществление, актуализация возможности» (Богомолов А. С. Античная философия. С. 209). «Matter is always defined relative to some form so that what is the matter in one respect may be form in another» (Halper E. C. One and many in Aristotle’s Metaphysics, books alpha-delta. P. XXX).

²¹ Halper E. C. One and many in Aristotle’s Metaphysics, books alpha-delta. P. 173. — Как пишет Хельмут Флашар, «die vier Ursachen und Prinzipien, die für Aristoteles als etwas nicht Ableitbares

Целевая причина²² связана у Аристотеля с понятием энтелехии, обозначающим состояние завершенности. При помощи такого понятия Аристотель делает попытку установить непосредственную связь между процессом самого движения и конечным результатом, к которому должно прийти движение, начало и процесс которого уже заранее предопределены конечной целью. Само движение при этом является целенаправленным, а каждый его момент как бы содержит в себе внутреннюю цель.²³ А. Ф. Лосев полагал, что энтелехия есть диалектическое единство всех четырех причин.²⁴

Современная трактовка данных причин предложена также С. П. Лебедевым. Среди прочего автор отмечает, что участие формальной и целевой причин совершенно необходимо для построения сложных, целесообразно организованных явлений, в том числе продуктов человеческой деятельности.²⁵ В человеческой деятельности форма обнаруживается в виде плана, целевая же причина ответственна за внесение целесообразности в материал, в движущую силу и форму, в силу чего нечто может возникать как целое.²⁶

Подтверждением релевантности цели к человеческой деятельности могут служить, например, работы Людвиг фон Мизеса, а также отечественных психологов — представителей психологической теории деятельности.

В теории человеческой деятельности Л. фон Мизеса такая деятельность понимается как целеустремленное поведение, ее цель состоит в удовлетворении определен-

---

Ausgangspunkt und Grundlage der Seinslehre sind, stehen in Korrespondenz zu dem Strukturschema “Möglichkeit — Wirklichkeit” und “Stoff — Form”, insofern die Formursache (causa formalis) das verwirklichte Sein, die Substanz als Form, die Stoffursache (causa materialis) den im Sinne der Möglichkeit nach Formung drängenden Stoff, die wirkende Ursache (causa efficiens) den Impuls, der den Formungsprozess des Stoffes einleitet, die Zweckursache (causa finalis) der Richtungssinn, der das Ziel der Verwirklichung des Möglichen darstellt, bezeichnen» (*Flashar H. Aristoteles. Lehrer des Abendlandes. Verlag C. H. Beck. S. 223*).

²² Согласно Аристотелю «то, ради чего», — это конечная цель, а конечная цель — это не то, что существует ради другого, а то, ради чего существует другое; так что если будет такого рода последнее, то не будет беспредельного движения; если же нет такого последнего, то не будет конечной цели. А те, кто признает беспредельное [движение], невольно отвергают благо как таковое; между тем никто не принимался бы за какое-нибудь дело, если бы не намеревался прийти к какому-нибудь пределу. И не было бы ума у поступающих так, ибо тот, кто наделен умом, всегда действует ради чего-то, а это нечто — предел, ибо конечная цель есть предел» (*Аристотель. Метафизика. 994b 10–15. Т. 1. С. 96–97*).

²³ Югай Г. А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965. С. 29. — «Jedes Werden ist eine Bewegung von dem der Möglichkeit nach Seienden zu dem der Wirklichkeit nach Seienden. Alle Werdeprozesse sind demnach zielgerichtet. Diese Zielgerichtetheit kommt auch darin zum Ausdruck, dass für “Wirklichkeit” auch Vollendetheit, “Entelechie” gesagt werden kann» (*Flashar H. Aristoteles. Lehrer des Abendlandes. Verlag C. H. Beck. S. 223*).

²⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 2000. С. 103, 123–124. — Г. А. Югай полагал, что понятие энтелехии как реализованной формы несколько шире самого понятия формы. Это понятие как бы включает в себя формальную, действующую и целевую причины, так как без них невозможны реализация формы и завершение ее в виде энтелехии (Югай Г. А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965. С. 29).

²⁵ Применительно к целевой причине на это же обращается внимание и в зарубежной литературе (см., напр.: *Barnes J. Aristotle: A Very Short Introduction. P. 88*).

²⁶ Лебедев С. П. Идеализм: история и логика генезиса. С. 61. — При этом автор отмечает, что «формальная причина внутренне связана с целесообразностью. Программа создается в том случае, если есть цель, ради которой намечается план действий. Если нет цели, то не будет и программы» (Там же. Сн. 50).

ных желаний действующего субъекта.²⁷ Как писал Л. фон Мизес, «науки о человеческой деятельности начинают с того факта, что человек целенаправленно стремится к выбранной им цели».²⁸ Область наук о человеческой деятельности телеологична и раскрывается посредством «конечной причины» (цели).²⁹ Поскольку же конечные причины являются причинами, то телеология (при всем ее отличии от причинности) выступают видом причинного исследования.³⁰

Но согласно Л. фон Мизесу цели человеческой деятельности изначально заданы и недоступны для дальнейшего анализа, они чисто субъективны. Поэтому предметом праксиологии могут быть только *методы и средства*, выбираемые для достижения целей, и их *соответствие* целям, а не сами цели.³¹ Рассматривая же средства достижения целей, Мизес отмечал, что предметы или внешние объекты как таковые — лишь явления физического мира, в средства же их превращают человеческое *намерение и деятельность*.³² Мизес особо подчеркивал связь мышления с деятельностью посредством знания: при отсутствии, по его выражению, схем, выработанных праксиологическими рассуждениями, мы бы воспринимали только движение, но, например, не куплю-продажу. Характер действия определяется *смыслом*, который придают ему действующие индивиды и все те, кого эти действия затрагивают.³³

---

²⁷ Мизес Л., фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2008. С. 14, 22.

²⁸ Мизес Л., фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск, 2009. С. 2.

²⁹ «Царство естественных наук и науки о человеческой деятельности отличаются друг от друга категориальными системами, посредством которых они интерпретируют явления и создают теории. Естественные науки не знают ничего о конечных причинах... научные изыскания и теоретизирование целиком и полностью направляются категорией причинности. Область наук о человеческой деятельности является сферой замысла и сознательного преследования целей; она телеологична» (Мизес Л., фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. С. 215). «Конечные причины, на которые ссылается история, всегда являются целями, к которым стремятся индивиды и группы индивидов» (Там же. С. 143). «Необходимо постоянно подчеркивать, что невозможно сформулировать никакого утверждения или заявления, касающегося человеческой деятельности, не подразумевающего ссылки на преследуемые цели. Сама концепция деятельности финалистична и лишена всякого смысла и значения, если не относится к сознательному преследованию выбранных целей. В области человеческой деятельности нельзя получить никакого опыта, не прибегая к категории целей и средств. Если наблюдатель не знаком с идеологией, технологией и терапевтикой людей, за поведением которых он наблюдает, то он не сможет в нем разобраться. Он видит людей, бегающих туда-сюда, машущих руками, но он начнет понимать, что все это значит, только когда начнет узнавать, чего они хотят достичь» (Там же. С. 254; 219, 221–222, 230–231, 240–241). На значение категории цели для общественных наук обращалось внимание многими мыслителями. Так, С. Л. Франк полагал, что «обществоведение (напр., история, политическая экономия) не может обойтись без понятия цели, без телеологических объяснений (потому что всякое объяснение исторических явлений сводит их к каким-либо стремлениям людей)» (Франк С. Л. Понятие философии. Взаимоотношение философии и науки (из книги «Введение в философию в сжатом изложении») // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / сост. П. В. Алексеев. М., 1990. С. 122). Значение целевого объяснения правовых явлений (с точки зрения средств к достижению целей), хотя и полностью подчиненного началу причинности, отмечалось и в советской юридической литературе (см., напр.: Аскназий С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., 2008. С. 115–119).

³⁰ Мизес Л., фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. С. 26, 27–28.

³¹ Там же. С. 24, 92.

³² Там же. С. 89.

³³ Там же. С. 41, 43.

В отечественной литературе по психологической теории деятельности сама деятельность понимается в качестве активного и целенаправленного процесса,³⁴ целостного мотивированного акта поведения.³⁵ В самом общем виде психологическую структуру деятельности можно свести к следующему.

Исходной формой активности выступает *потребность*, которая не обязательно должна носить биологический (органический) характер. Как правило, деятельность направляется сложными (высшими, духовными) потребностями.³⁶ При этом одной из ведущих потребностей человека, возникающих с первых месяцев жизни, является потребность в социальных контактах (общении).³⁷

Далее *при опредмечивании* потребности (встречи потребности с материальным или идеальным предметом, который ее удовлетворяет) рождается *мотив*, который и определяется как *предмет потребности*, или опредмеченная потребность (в смысле ее конкретизации). С этого момента поведение приобретает *направленность* на предмет или от него. Соответственно совокупность действий, которые вызываются мотивом, называется особым видом деятельности (игровая, учебная, трудовая и т. д.). Но как удовлетворение одного мотива может происходить разными действиями, так и одно и то же действие может порождаться разными мотивами.³⁸

Мотив при этом соотносится с деятельностью, в то время как действие — с целью.³⁹ Данный тезис связан с разграничением деятельности и действия, предмет которого приводит к удовлетворению потребности не сам по себе, а только будучи включенным в какую-либо деятельность, становясь ее моментом. При этом действие может входить в двоякую деятельность и соответственно быть включенным в два или большее число мотивов.⁴⁰ В связи с этим возникает вопрос о соотношении мотива деятельности с ее целью, тем более что одно из определений мотива сводится к *тому, ради чего совершается действие или осуществляется деятельность*.⁴¹

Ю. Б. Гиппенрейтер полагает, что мотив порождает действие, т. е. приводит к *образованию целей*, которые всегда осознаются. В связи с этим, поскольку сами мотивы не всегда осознаются, то их можно подразделить на осознаваемые и неосознаваемые. К первой группе принадлежат мотивы-цели (например, большие жизненные цели), вторые проявляются в сознании в форме эмоций и личностных смыслов.⁴²

³⁴ Гиппенрейтер Ю. Введение в общую психологию. Курс лекций. М., 2010. С. 112. — А. Н. Леонтьев определял деятельность как «процесс, посредством которого осуществляется связь с предметом той или иной потребности и который обычно завершается удовлетворением потребности, конкретизированной в предмете деятельности» (Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М., 2010. С. 89).

³⁵ Психология. Учебник для студ. высш. учеб. заведений / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. М., 2009. С. 215.

³⁶ Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб., 2010. С. 62–63, 65–66. — См. также: Психология. Учебник / под ред. Б. А. Сосновского. М., 2011. С. 98–107.

³⁷ Гиппенрейтер Ю. Введение в общую психологию. Курс лекций. С. 123–124.

³⁸ Там же. С. 127–132; Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. С. 103, 439; Психология. Учебник / под ред. Б. А. Сосновского. С. 148.

³⁹ Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. С. 89; Общая психология. В 7 т. / под ред. Б. С. Братуся. Т. 1. М., 2008. С. 179; Психология. Учебник / под ред. Б. А. Сосновского. С. 149.

⁴⁰ Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. С. 89, 445, 483.

⁴¹ Общая психология. Т. 1. С. 25; Гиппенрейтер Ю. Введение в общую психологию. Курс лекций. С. 130. — Следует также учитывать и возможность взаимного перехода цели и мотива друг в друга.

⁴² Гиппенрейтер Ю. Введение в общую психологию. С. 132–133.

Разграничение мотива и цели деятельности производится также с точки зрения *промежуточного результата* деятельности: в индивидуальной деятельности данный *результат* становится самостоятельной *целью*. Цель деятельности, таким образом, отделяется от ее мотива, а в деятельности появляется новая единица — действие.⁴³

В. А. Петровский, понимая под целью деятельности предвосхищение ее *результата*, образ возможного как прообраз действительного, разграничивает мотив и цель с точки зрения их соотношения с субъектом и объектом деятельности. Предвосхищаемое возможное будущее в мотивах (которые могут быть представлены уникальными и глубинными переживаниями субъекта) соотносится с самим субъектом, в то время как цели ориентированы вовне: в них предвосхищен *результат*, который должен существовать *объективно*.⁴⁴

Если мотив *побуждает* человека к действию, к постановке целей, то цель представляет собой то, что человек стремится достигнуть в *результате* действия.⁴⁵ Внешне одинаковая для субъектов цель психологически неодинакова у многих из них, поскольку различен ее *смысл*, определяемый стоящим за ней мотивом (смысл в этом случае понимается как отношение мотива к цели).⁴⁶

Таким образом, представители психологической теории деятельности под целью понимают образ желаемого результата, который должен быть достигнут в ходе выполнения действия. При этом цель, по их мнению, всегда сознательна, в ее форме выражается активное начало в субъекте.⁴⁷ Признавая наличие бесцельной активности человека, они сводят ее к артефакту жизнедеятельности.⁴⁸ Но данный вывод для права представляет лишь отправную точку: артефакт должен быть восполнен нормой.⁴⁹ И если норма права содержит цель для случаев так называемых артефактов жизнедеятельности, то тем более в иного рода случаях норма отражает наиболее типичную цель.

Действие, выступая в качестве основной единицы анализа деятельности, определяется как «процесс, направленный на реализацию цели»,⁵⁰ «процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, то есть

---

⁴³ Там же. С. 214. — Излагая взгляды А. Н. Леонтьева по этому вопросу, Ю. Б. Гиппенрейтер пишет: «В плане психического отражения это сопровождается переживанием *смысла* действия... *Смысл*, по определению А. Н. Леонтьева, и есть *отражение отношения цели действия к мотиву*» (Там же).

⁴⁴ *Психология. Учебник для студ. высш. учеб. заведений* / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. С. 209–210. — Автор далее поясняет: «Цели, воплощаясь в продуктах активности, не теряют при этом своей принадлежности к миру субъекта: они субъективны по форме, но объективны по своему содержанию. В то время как в мотивах идеально представлен сам субъект, в целях активности представлен ее объект, а именно что должно быть произведено, чтобы мотивы деятельности были реализованы» (Там же. С. 210).

⁴⁵ *Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление* (Очерки теории, философии и психологии права). Душанбе, 1983. С. 40.

⁴⁶ *Общая психология. В 7 т. / под ред. Б. С. Братуся. Т. 1. С. 25, 179; Психология. Учебник / под ред. Б. А. Сосновского. С. 149–150; Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. С. 449–450.*

⁴⁷ *Гиппенрейтер Ю.* Введение в общую психологию. С. 110, 112.

⁴⁸ Там же. С. 110.

⁴⁹ Показательна в этом случае ссылка Ю. Б. Гиппенрейтер на слова К. Маркса: для человека цель «как закон определяет способ и характер его действий» (*Гиппенрейтер Ю.* Введение в общую психологию. С. 112).

⁵⁰ Там же. С. 110.

процесс, подчиненный сознательной цели»,⁵¹ «целевой акт поведения в поле значе- ний субъекта».⁵² Из приведенных определений следует, что в действии заключено неразрывное единство сознания и поведения.⁵³ И в связи с этим отмечается приоб- ретение смысла действия лишь при соотнесении с конечным результатом.⁵⁴ Более того, через реализацию социальных целей утверждается принцип предметности че- ловеческой деятельности.⁵⁵

При всей значимости категории цели (в ее психологической трактовке) для со- циальной жизни важно также учитывать, что в силу закона (принципа) гетерогонии целей В. Вундта результат активности человека (последствия его действий) более или менее широко расходятся с его первоначальными намерениями,⁵⁶ в связи с чем особая роль должна отводиться определенности, достигаемой внешним образом.

Достижению данной определенности призвана *норма гражданского права, ко- торая является формальной* причиной гражданского правоотношения.⁵⁷ Норма гражданского права наделяет общественное отношение формой, тем самым изменяя его сущность. Отрицание того факта, что сущность гражданского правоотношения заключается именно в его формальной (нормативно-правовой) стороне, лишает тем самым правоотношение его отличительного от иных общественных отношений (ре- гулируемых иными социальными нормами) признака. Именно в нормах граждан- ского права закреплены правоспособность и дееспособность субъектов граждан- ского права, типы гражданских правоотношений,⁵⁸ а также возможность установле- ния иных гражданских правоотношений (п. 2 ст. 1 и п. 1 ст. 8 Гражданского кодекса РФ⁵⁹). Кроме того, норма гражданского права соотносится с методом гражданско- правового регулирования, выражающим формальность права.

---

⁵¹ Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. С. 89.

⁵² Психология. Учебник для студ. высш. учеб. заведений / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. С. 216.

⁵³ Так, движение без цели Ю. Б. Гиппенрейтер рассматривает как скорее несостоявшееся по- ведение, чем его подлинную сущность (*Гиппенрейтер Ю.* Введение в общую психологию. С. 111).

⁵⁴ Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. С. 66.

⁵⁵ Гиппенрейтер Ю. Введение в общую психологию. Курс лекций. С. 113.

⁵⁶ Психология. Учебник для студ. высш. учеб. заведений / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. С. 222.

⁵⁷ Р. Штаммлер формой или формальным элементом в понятии социальной жизни людей признавал внешнее регулирование, к которому относил и правовые установления (*Штаммлер Р.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 1. СПб., 1907. С. 131). Ф. К. фон Савиньи выделял в правоотношении формальный элемент — то, что возвышает фактическое отношение (материю) до юридической формы и дает ему юридическое определение. Этот формальный элемент правоотношения Савиньи связывал с правовой нормой (*Савиньи Ф. К., фон.* Система современного римского права. В 8 т. Т. I. М., 2011. С. 457). О. А. Красавчиков к норма- тивным предпосылкам возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений относил нормы права, которыми устанавливается правовое регулирование общественных отно- шений. Наряду с нормами права к предпосылкам в юридическом аспекте он относил правосубъ- ектные предпосылки и юридические факты (*Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избр. труды. В 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 51). Ю.К. Толстой к предпосылкам правоотношения относил норму права, право- способность и юридический факт (*Толстой Ю. К.* К теории правоотношения. Л., 1959. С. 3).

⁵⁸ Или, по выражению Р. О. Халфиной, «модель правоотношения» (*Халфина Р. О.* Общее уче- ние о правоотношении. М., 1974. С. 35).

⁵⁹ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

При таком подходе форма, характеризуя *понятие* и *смысл* явления,⁶⁰ позволяет рассматривать гражданское правоотношение исключительно с позиций нормативных признаков как *идеальный тип* гражданского правоотношения.⁶¹ Данный подход развивал, например, Д. Д. Гримм, который, рассматривая юридическое отношение как урегулированное объективным правом конкретное (жизненное, бытовое) отношение людей друг к другу и к благам внешнего мира, выделял идеальный (абстрактный) тип юридического отношения.⁶²

Общественное (фактическое) отношение в смысле социального взаимодействия субъектов, подлежащее регулированию, суть *материальная причина*.⁶³ Следует

---

⁶⁰ Д. И. Степанов рассматривает право как «идеальное образование... область идеи. Право различно как смысловое содержание, все правовое предстает перед нами как смысл. Право в любом из его проявлений всегда выступает в виде определенной рациональной конструкции, в связи с чем определение римского права как *ratioscripta* представляется не столь метафоричным, как принято считать» (Степанов Д. И. Вопросы методологии цивилистической доктрины // Актуальные проблемы гражданского права. Сб. статей. Вып. 6 / под ред. О. Ю. Шилохоста. М., 2003. С. 12–13). Вопрос об идеальном вообще и в праве в частности, поставленный еще Платоном, получил настолько различное решение в рамках отдельных школ и у отдельных философов, что останавливаться на нем в настоящей работе нет возможности. Из советских философов наиболее актуальными по этому вопросу являются работы Э. В. Ильенкова (см., напр.: Ильенков Э. В. Философия и культура. М.; Воронеж, 2010).

⁶¹ В этом смысле прав О. С. Иоффе, по мнению которого правоотношение можно рассматривать в двояком смысле: как единство его экономического содержания и юридической формы и только как его юридическую форму (Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 2-е изд., испр. М., 2003. С. 657–658).

⁶² Гримм Д. Д. 1) Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 39–42, 118–121; 2) Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями // Сб. статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М., 2005. С. 303–323. — В другом своем произведении Д. Д. Гримм писал: «Всякое жизненное отношение представляет собою более или менее сложное специальное отношение сосуществования между данным лицом и другими лицами или объектами внешней природы. В самом деле, каждый из нас беспрестанно приходит в соприкосновение с окружающими его лицами и иными объектами и каждое такое соприкосновение предполагает, что между данными объектами установилось отношение сосуществования. Большинство из этих соприкосновений носит повторный, типический характер, выливается в определенные, типические формы, для каждого из них медленно вырабатываются отчасти бессознательно, отчасти сознательно, свои нормы. Отсюда является возможность в применении к часто повторяющимся отношениям устанавливать известные и д е а л ь н ы е т и п ы, известные общие формы их, что в свою очередь дает возможность классифицировать отдельные к о н к р е т н ы е о т н о ш е н и я, подводить их под тот или иной идеальный тип, под то или иное с п е ц и а л ь н о е идеальное отношение» (Гримм Д. Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. Прологомены к общей теории гражданского права. Т. I. СПб., 1900. С. 41–42). См. также: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 68–75; Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М., 1897. С. 27; Хвостов В. М. Система римского права. Учебник. М., 1996. С. 58.

⁶³ Ф. К. фон Савиньи, выделяя в правоотношении материю, относил к таковой отношение само по себе, *чистый факт* в правоотношении (Савиньи Ф. К., фон. Система современного римского права. С. 457). Р. Штаммлер рассматривал в качестве материи социальной жизни *совместную деятельность людей, направленную на удовлетворение их потребностей* (Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. I. С. 142). К материальным предпосылкам движения гражданских правоотношений О. А. Красавчиков относил материальные или духовные *потребности* лиц и те производственные (экономические) *отношения*, в которые вступают лица для получения соответствующих благ (материальных или иных) в целях удовлетворения своих потребностей (Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. С. 56).

А. О. Рыбалов, отмечая трудности определения понятия «правоотношение», пишет о невозможности использования при этом способа определения через ближайший род и видовое отличие,

отметить, что под материей в философской литературе предлагается понимать, помимо прочего, и производственные отношения в сфере социальной реальности. В свою очередь, материю в гносеологическом плане определяют как объективную реальность, которая существует вне и независимо от сознания и отображается им.⁶⁴ Не касаясь данного определения, заметим только, что отсутствуют основания рассматривать в качестве материальной причины исключительно производственные отношения как разновидность общественных отношений. В противном случае остается открытым вопрос: в чем заключается специфика этих отношений, отличная от иных общественных отношений (например, отношений распределения, обмена, потребления), которая не позволяет рассматривать иные общественные отношения в качестве материальной причины.

Общественное отношение само по себе является только *возможностью* гражданского правоотношения. В связи с этим, с одной стороны, существует в принципе возможность «произвола» нормы гражданского права, которая придает этому общественному отношению специфику именно гражданского правоотношения, но, с другой стороны, такой «произвол» ограничен природой самого общественного отношения в силу принципа индивидуации. Объединяющим моментом выступает здесь цель, связывающая форму и материю в единое целое, позволяющее достигнуть конечного результата.

Формальной и материальной причинам соответствуют форма и содержание гражданского правоотношения.⁶⁵ Форма гражданского правоотношения, охватывая собой все юридически значимые стороны отношения, воплощается в *правах и обязанностях* его участников.⁶⁶ В свою очередь, содержанием гражданского правоотношения выступает *взаимодействие его участников* в соответствии с их субъективными правами и обязанностями.⁶⁷ Взаимодействие сторон в правоотношении тем

поскольку «ближайшее родовое понятие («общественное отношение») само не имеет четкого определения» (Рыбалов А. О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 7). Полагаем, что при всей сложности вопроса ответ на него может быть дан через рассмотрение общественного отношения как материи, со всеми присущими ему в связи с этим признаками.

⁶⁴ См., напр.: Миронов В. В. Философия. Учебник. М., 1998. С. 143. — В этом подходе, основанном на известных постулатах диалектического материализма, можно усмотреть гносеологические корни мнения тех цивилистов, которые рассматривали производственные отношения в качестве независящих от воли и сознания лиц, в силу чего непосредственно правом не регулируемых (см., напр.: Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963). Вместе с тем в советской литературе использовалось также понятие «социальная материя», которое выражало всю совокупность различных сообществ, складывающихся и существующих на основе материальных и идеологических отношений, выступающих способом существования этих сообществ (социальной материи), и определялось как «динамически функционирующая и исторически развивающаяся целостная совокупность мыслящих и сознательно преобразующих действительность индивидов и сообществ различных уровней, находящихся в общественных отношениях» (*Категории социальной диалектики* / под ред. Ю. А. Харина. Минск., 1978. С. 58–59, 61).

⁶⁵ О дискуссии по вопросу о форме и содержании гражданского правоотношения см., напр.: Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. С. 79–99.

⁶⁶ Егоров Н. Д. Понятие имущественного правоотношения // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1980. № 23. Вып. 4. С. 59; Явич Л. С. Право и общественные отношения (основные аспекты содержания и формы советского права). М., 1971. С. 123.

⁶⁷ Егоров Н. Д. 1) Гражданско-правовое регулирование экономических отношений. Учеб. пособие. Л., 1986. С. 15–16; 2) Понятие имущественного правоотношения. С. 59. — Л. С. Явич под содержанием правоотношения понимал волевое *поведение* его субъектов, которые обладают правами

и отличается от взаимодействия в иных социальных отношениях, что поведение участников является определенным и взаимно обусловленным в силу связанности правами и обязанностями. Субъективные права и обязанности придают юридическую значимость поведению.⁶⁸

Поскольку форма — *сущность* гражданского правоотношения,⁶⁹ то любые юридические классификации имеют правовое значение только в том случае, если в их основу положены юридически значимые критерии — признаки, характеризующие соответствующее правоотношение.⁷⁰ Экономические и иные социальные факторы могут в какой-то степени предопределять тот или иной способ правового регулирования общественных отношений, но не выражают сущность *правового* явления. Так, сущность публичного договора выражается в нормативно установленных ст. 426 Гражданского кодекса РФ признаках, правах и обязанностях. В свою очередь, наличие обязанностей предопределено необходимостью защиты *правовыми* средствами экономически слабой стороны соответствующих отношений. Но именно в силу этого обстоятельства экономические и иные факторы подлежат *учету* при исследовании правовых явлений и ровно настолько, насколько ими обусловлено правовое регулирование.

Кроме того, говоря о взаимодействии участников правоотношения как о его содержании, недопустимо вкладывать в него исключительно или преимущественно экономическое содержание, поскольку последнее является не единственным и не имеет главенствующего значения по отношению к форме.⁷¹

и несут обязанности. В обоснование своего мнения он писал, что «в правовых отношениях содержание права (выраженное в качестве коррелятивных прав и обязанностей) *переходит* в форму... Связь правовых отношений как формы реализации права с фактическими общественными отношениями в том и состоит, что определенная часть волевых актов субъектов фактических отношений, их предусмотренное законом волевое поведение выступает в качестве непосредственного содержания правоотношений» (*Явич Л. С. Право и общественные отношения (основные аспекты содержания и формы советского права. С. 117).*

⁶⁸ *Явич Л. С. Право и общественные отношения (основные аспекты содержания и формы советского права). С. 126.*

⁶⁹ В связи с этим объяснимы то внимание, которое должно уделяться именно форме, и те недостатки, которые являются следствием пренебрежительного к ней отношения.

⁷⁰ Рассматривая вопрос о критериях формирования системы гражданских договоров, Ю. В. Романец пишет: «Система договоров есть правовая система. Это означает, что входящие в нее договоры объединяются и разделяются по юридическим признакам. Договоры, имеющие общее правовое регулирование, объединяются в одну классификационную группу, а договоры, обладающие юридическими различиями, разводятся по разным группам. Необходимо лишь учитывать, что для глубокого познания системы договоров необходимо исследование тех материальных (экономических) признаков, которые обуславливают элементы юридического механизма» (*Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2006. С. 31*). В. Ф. Яковлев указывает на то, что «дифференциация общественных отношений имеет непосредственное значение для права, если она обуславливает различия в самой правовой форме отношений. Именно поэтому изучение дифференциации общественных отношений безотносительно к особенностям правовой формы ничего для познания системы права дать не может» (*Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 13*).

⁷¹ Б. Н. Чичерин, затрагивая вопрос о соотношении экономического отношения и права, в частности, писал: «Начала права совершенно независимы от экономического порядка. Они вытекают из природы человеческой личности и определяют взаимные отношения свободы разумных существ. Но и это начало, так же как нравственность, есть чисто формальное; содержание дается ему экономическими отношениями, которые, по этому самому, имеют свои собственные законы,

Субъективное гражданское право представляет собой юридически обеспеченную возможность (власть, волю) удовлетворения юридически значимого интереса.⁷² При этом если иное не оговорено специально или не вытекает из существа правоотношений, то субъект удовлетворяет именно свой интерес.⁷³ Удовлетворение интереса управомоченного лица может быть осуществлено как его собственными действиями, так и действиями обязанного лица. Но лицо может совершать определенные действия, направленные на удовлетворение его интереса, и вне рамок гражданского правоотношения. Необходимость в гражданском правоотношении возникает только в том случае, если для совершения лицом собственных действий требуется определить поведение третьих лиц и тем самым обеспечить возможность удовлетворения юридически значимого интереса. В этом смысле прав О. С. Иоффе, согласно мнению которого правовая обязанность есть юридическое средство обеспечения такого поведения ее носителя, в котором нуждается управомоченный и которое государство признает обязательным; которое обуславливает возможность совершения соответствующих действий управомоченным; которое удовлетворяет интересы граждан, совпадающие с интересами государства или не противоречащие им.⁷⁴ Из этого следует, что под обязанностью необходимо понимать юридически обеспеченную меру должного поведения, «которой обязанное лицо следует

независимые от законов юридических». И далее: «экономические отношения движутся в формах, установленных правом, а право, со своей стороны, приспосабливает свои формы к потребностям экономической жизни. Тут есть взаимодействие, в котором, однако, право является господствующим началом, ибо оно устанавливает обязательные формы. Поэтому движение экономической жизни существенно зависит от развития юридического сознания <...> С другой стороны, если возросшие под охраной права экономические силы требуют свободы, а юридический закон полагает им всякого рода стеснения, то это обыкновенно кончается тем, что юридический закон ниспровергается и заменяется новым, более приспособленным к народившимся потребностям. Где есть взаимодействие двух элементов, там есть неизбежное и взаимное влияние их друг на друга. Но именно поэтому всякая односторонняя теория тут неуместна» (Чичерин Б. Н. Избранные труды. СПб., 1997. С. 172). Вместе с тем, по мнению Б. Н. Чичерина, «экономическая сторона человеческой жизни всегда имеет служебное значение. Не ею определяется развитие духа; она является только условием, видоизменяющим это развитие, ибо дух действует в материальной среде, а потому должен сообразоваться с ее свойствами» (Там же).

⁷² Данное определение основывается в том числе на определениях субъективного права, предложенных О. С. Иоффе (Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Иоффе О. С. Избр. труды. В 4 т. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб., 2003. С. 90), Ю. К. Толстым (Толстой Ю. К. К теории правоотношения. С. 45–46), В. М. Хвостовым (Хвостов В. М. Система римского права. С. 59) и Г. Ф. Шершеневичем (Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 2005. С. 100). Такой же подход встречается в немецкой литературе: «Das subjektive Recht ist begrifflich eine Rechtsmacht, die dem einzelnen durch die Rechtsordnung verliehen ist, seinem Zwecke nach ein Mittel zur Befriedigung menschlicher Interessen» (Enneccerus L., Nipperdey H. K. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. Erster Band. Erster Halbband. Mohr (Siebeck), 1959. S. 428–429); «Das subjektive Recht hat den Zweck, menschliche Interessen zu befriedigen» (Brox H., Walker W.-D. Allgemeiner Teil des BGB. Vahlen. München, 2013. S. 268); «Das subjektive Recht ist die dem Einzelnen verliehene Rechtsmacht zur Befriedigung bestimmter Interessen» (Köhler H. BGB Allgemeiner Teil. München, 2009. S. 232). См. также: Bork R. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuchs. Mohr Siebeck. Tübingen, 2011. S. 121; Larenz K., Wolf M. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. München, 2004. S. 239, 242–243.

⁷³ Хвостов В. М. Система римского права. С. 60.

⁷⁴ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. С. 91, 92, 93.

в соответствии с требованиями и в целях удовлетворения признаваемых законом интересов управомоченного».⁷⁵

Целевой причиной гражданского правоотношения (его целью) является *удовлетворение (реализация) юридически значимого интереса*.⁷⁶ Удовлетворение данного интереса происходит *посредством достижения определенного результата*. Объективность интереса обусловлена не только закреплением его в нормах права или иным официальным признанием, но и объективностью того результата, достижением которого он реализуется.

Выступая предметом правового регулирования, общественное отношение представляет собой, по мнению М. В. Кротова, единичное отношение с *волевой направленностью* его субъектов.⁷⁷ В связи с этим требуется установить, на что направлена воля субъектов общественного отношения. Полагаем, что воля субъектов направлена на удовлетворение юридически значимого интереса.⁷⁸ Поскольку же такое удовлетворение интереса возможно посредством *правовых* способов, то возникает необходимость в гражданском правоотношении. Цель гражданского правоотношения достигается посредством осуществления субъективного права и исполнения обязанности.⁷⁹

⁷⁵ Иоффе О. С. Избр. труды. В 4 т. Т. II. Советское гражданское право. СПб., 2004. С. 107.

⁷⁶ Известный советский исследователь категории интереса А. Г. Здравомыслов рассматривал интерес как причину социального события или социального действия, а также как причину определенной последовательности социальных действий или событий во времени (Кузьмина А. В. Категория «интерес» в философии и праве. М., 2009. С. 89–90). Интерес как предпосылку приобретения субъективного права рассматривали, например, С. Н. Братусь (*Братусь С. Н. Субъекты гражданского права*. М., 1950. С. 20), В. П. Грибанов (*Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав*. М., 2001. С. 241–242) и Н. А. Баринов (*Баринов Н. А. Имущественные потребности и гражданское право*. Саратов, 1987. С. 55). В. Г. Голубцов отмечает, что «частный интерес и возникающее на его основе частное правоотношение соотносятся как причина и следствие», имеющие значение лишь применительно к данному конкретному случаю (Голубцов В. Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отношений с участием государства. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. С. 45). отождествление цели и интереса встречается, например, в работах А. В. Венедиктова (*Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность*. М.; Л., 1948. С. 42), а также М. Винавера (*Винавер М. Из области цивилистики*. СПб., 1908. С. 195). О природе интереса см. подробнее, напр.: *Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве*. С. 234–244; *Кузьмина А. В. Категория «интерес» в философии и праве; Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория*. СПб., 2004; *Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве*. М., 2002; *Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения*. М., 2004. С. 115–131. — Стоит, однако, отметить, что некоторые авторы в качестве цели правоотношения рассматривали удовлетворение именно потребности (см., напр.: *Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве*. С. 56).

⁷⁷ Кротов М. В. Обязательство по оказанию услуг в советском гражданском праве. Учеб. пособие. Л., 1990. С. 12.

⁷⁸ Об интересе как конечной цели обязательства писал и сам М. В. Кротов (Там же. С. 83).

⁷⁹ «Субъективные права предоставляются частным лицам для того, чтобы с их помощью удовлетворять практические интересы. Каждое право дает его субъекту возможность беспрепятственно совершать известные действия, которые должны удовлетворить его интересам. *Осуществление права* и состоит в совершении этих действий (*uti, frui, imperare, vetare*), а также в совершении действий, которые препятствуют вторжению третьих лиц в сферу, обеспеченную правом его субъекту» (*Хвостов В. М. Система римского права*. С. 85). См. также: *Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права*. 2-е изд. СПб., 2004. С. 189; *Новицкий И. Б., Луниц Л. А. Общее учение об обязательстве*. М., 1950. С. 42; *Регельсбергер Ф. Общее учение о праве*. С. 5–6; *Толстой Ю. К. К теории правоотношения*. С. 5.

В свою очередь, целевая направленность правоотношения может состоять из множества подцелей, что обусловлено последовательностью, разграничением и подчинением совершаемых действий⁸⁰ или этапов развития отношения. При этом так называемые промежуточные этапы должны рассматриваться в телеологической перспективе.⁸¹ Например, через этот аспект может быть рассмотрено отдельное предоставление одной стороны в обязательстве другой стороне, а равно встречные предоставления обеих сторон, или же отдельные действия собственника в рамках осуществления им права собственности.

Исходя из связи цели правоотношения с его формой,⁸² результат правоотношения не должен расходиться с нормой права. Однако же это не должно давать повода к выводу о значимости только правового результата или достижения только правовой цели, но, например, не цели экономической.⁸³ Удовлетворение юридически значимого интереса в связи с этим необходимо понимать как достижение любой цели, соответствующей нормам права.

В литературе достаточно распространено мнение о связи интереса с потребностью или благом.⁸⁴ Например, В. М. Хвостов отмечал, что юридические отношения «устанавливаются, главным образом, для того, чтобы дать возможность пользоваться какими-нибудь жизненными благами, удовлетворить какую-нибудь потребность. Всякая такая потребность, равно как и благо, к которому лицо стремится для ее удовлетворения, называется *интересом* в юридическом смысле».⁸⁵ С одной стороны, интерес и потребность не тождественные (хотя и близкие) категории,⁸⁶ с другой стороны, трудно отрицать связь потребности и интереса в структуре деятельности,

⁸⁰ Ср.: Гиппенрейтер Ю. Введение в общую психологию. С. 113.

⁸¹ Ср.: Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск, 2009. С. 71.

⁸² Р. фон Иеринг писал, что «все, что мы находим на почве права, вызвано к жизни целью и ради цели. Все право и есть не что иное, как единое целевое здание, мощный правовой полип с бесчисленным множеством щупальцев, именуемых правовыми положениями и имеющих каждый какую-либо цель, стремление, желание... Если эта идея справедлива, то вопрос о *содержании* права сводится к вопросу о *цели* права» (Иеринг Р., фон. Избранные труды. В 2 т. Т. I. СПб., 2006 С. 359–360).

⁸³ Так, если правовой результат или правовая цель сделки и их соответствие самой сделке, а точнее воле ее участников, имеет исключительное значение при применении ст. 170 Гражданского кодекса РФ (см., напр., Постановление Президиума ВАС РФ от 2 августа 2005 г. № 2601/05 (СПС «КонсультантПлюс»), Определение ВАС РФ от 27 июля 2011 г. № ВАС-9139/11 по делу № А41-К1-3320/05 (СПС «КонсультантПлюс»), Определение ВАС РФ от 9 марта 2011 г. № ВАС-1959/11 по делу № А19-27222/09-54 (СПС «КонсультантПлюс»)), то значимость экономических последствий следует, например, из применения положений законодательства о крупных сделках и сделках с заинтересованностью (см., напр., п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» (СПС «КонсультантПлюс»)).

⁸⁴ Фома Аквинский относил благо к потребности и считал, что, следовательно, оно содержит момент цели, поскольку благо есть то, что всеми желаемо и побуждает двигаться вещи к цели (Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 1–43. Киев; СПб., 2007. С. 58). Ранее Аристотель раскрывал целевую причину, в том числе через категорию «благо» (Аристотель. Метафизика. 996а 20–30. Т. 1. М., 1975. С. 101). А. В. Кузьмина, отмечая в связи с этим, что Аристотель ассоциирует блага и интересы, как ранее — Платон, а позже — Г. Еллинек (Кузьмина А. В. Категория «интерес» в философии и праве. С. 147), пишет: «Интерес есть стремление к благу. Благо образует предметную субстанцию интереса» (Там же). Но что понимается в связи с этим под «благом», автор не поясняет.

⁸⁵ Хвостов В. М. Система римского права. С. 58–59.

⁸⁶ См. подробнее: Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве. С. 239–240, 242; Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. С. 15 и след.

например, роль потребности в формировании интереса. По всей видимости, существенным отличием интереса от потребности служит именно его особая целевая направленность,⁸⁷ а через эту направленность и связь с результатом деятельности.

Разграничение интереса и блага можно провести по иному критерию, понимая при этом под благом все то, что обладает полезными свойствами, или то, к чему человек стремится или должен стремиться.⁸⁸ Поскольку участник правоотношения стремится к удовлетворению интереса, то благом для него служит то, что способно его интерес удовлетворить, — соответствующие материальные и нематериальные блага.⁸⁹

Определение *действующей* причины гражданского правоотношения вызывает известные сложности. С одной стороны, поскольку действителями являются субъекты гражданского права, то такой причиной, в сущности, выступает их юридически значимая *автономная воля* (п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ).⁹⁰ Приобретают и осуществляют свои гражданские права данные субъекты своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ). Но в интересах участников гражданского оборота для распознавания воли и предотвращения превращения ее в крайность — произвол, в нормах права предусматриваются соответствующие юридические факты, с наступлением которых возникают правовые последствия. С другой стороны, признанию автономной воли и как следствие действию в качестве действующей причины можно возразить, что помимо действий субъектов гражданского права существуют также события, которые составляют значительное место в социальной жизни и также представляют собой юридические факты.

Ответ на такое возражение оказывается не столь уж сложным, если принять во внимание природу событий и суть правового регулирования. Так, право не способно регулировать сами события (не важно, идет ли речь о рождении человека или делении ядра атома). И в этом его объективное свойство: подобно закону, объясняющему, например, природные явления, норма права в качестве закона также должна обладать условиями и пределом своего проявления. В ином случае это не норма и не закон. Соответственно, нормы права способны регулировать определенные предпосылки или последствия событий, да и то только в той степени, которая касается

---

⁸⁷ Например, В. П. Грибанов, указывая на различие потребности и интереса, считал потребность содержанием интереса. Форма проявления этой потребности в деятельности, по его мнению, хотя и различна, но всегда выражает определенную *целенаправленность* действий (Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве. С. 239).

⁸⁸ См., напр.: *Уэрта де Сото Х.* Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. С. 58.

⁸⁹ Ср.: Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве. С. 238–239.

⁹⁰ По мнению Декарта, «основное совершенство человека состоит в том, что он обладает свободой воли и что поэтому он бывает достоин похвалы или порицания» (Декарт Р. Начала философии. М., 2004. С. 34). Б. Н. Чичерин в «Философии права» писал: «Свободная воля составляет, таким образом, основное определение человека как разумного существа. Именно вследствие этого он признается *лицом* и ему присваиваются права» (Чичерин Б. Н. Избранные труды. С. 46). Г. Еллинек, оспаривая естественное происхождение государства и права, писал, что «ни одно учреждение не может возникнуть помимо сознательно направленной на определенную цель воли человека» (Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 80). Е. В. Васильковский приводит следующее высказывание Колера: «...закон не имеет воли в психологическом смысле, но имеет ее в телеологическом смысле, в качестве органического стремления к цели...» (Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 85).

поведения субъектов права.⁹¹ По меньшей мере недостаточность, а по большей — бессмысленность простого признания юридических последствий события без соотнесения данного признания с поведением субъектов очевидна.

С такими оговорками можно сказать, что действующей причиной гражданского правоотношения являются юридические факты.⁹²

Статья поступила в редакцию 13 марта 2015 г.

---

⁹¹ *Иоффе О. С.* 1) Избр. труды. В 4 т. Т. II. Советское гражданское право. С. 264; 2) Правоотношение по советскому гражданскому праву. С. 163-165; *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 174-175; *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. С. 221-222.

⁹² Ср.: *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. С. 165.